DOI: 10.17117/na.2015.06.244

Поступило в редакцию: 09.05.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.06.244.pdf>

Алешина Л.Н.

Субъектная семантика присловных падежей в древнерусском языке XII-XIV вв.

Aleshina L.N.

Subjective semantics prislonyh cases in the ancient Russian language of the XII-XIV centuries

*В статье анализируется субъектная семантика
присловных падежей в древнерусском языке*

Ключевые слова: косвенный семантический
субъект, синтаксис, предложение

*The article subjecta semantics prislonyh cases in
old Russian language*

Key words: indirect semantic subject, syntax,
sentence

Алешина Лариса Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный социальный
университет
г. Москва, ул. В. Пика, 4

Aleshina Larisa Nicolaevna

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor
Russian State Social University
Moscow, B. Picks st., 4

Семантические функции присловной падежной формы продолжают вызывать споры, ибо отношение «имени к любым другим элементам связной речи» задается не только категориально-семантическими особенностями отражаемой ситуации, теми ее чертами, которые акцентируются говорящим [3, с. 190].

Способность субстанциальной или местоименной падежной формы выдвинуться в субъектную позицию выявляется в основном в определенных текстах XII-XIV вв.

Как правило, это дательный субъекта в грамматически обусловленных позициях, родительный с предлогом «У» или винительный. Падежная форма, занявшая эту позицию, всегда потенциально задана предшествующим текстом, основной линией повествования. В результате даже дограмматическое осмысление предмета речи в предложении отмечает падежную форму имени собственного в качестве субъекта данного высказывания, то есть того, кому приписан актом речи какой-то признак, являющийся в данной ситуации качественно определяющим для названного лица [3, с.191].

Грамматическое подлежащее в наших примерах или подразумеваемый агент в последнем предложении не меняют смысловой весомости подчеркнутых форм, ибо они, а не традиционные номинативы – предмет внимания в тексте в целом.

Если мы соотнесем вышесказанное с известной мыслью А.И. Смирницкого о том, что «субъект – это тот предмет, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат» [5, с. 108], то «номитивизм» недавнего прошлого окажется в известной степени формальным запретом для живых процессов языка, обусловленных поисками адекватного отражения особенностей ситуации. Передачи нюансов смысла [3, с.191-192].

Сквозной семантический субъект поддерживается структурно-синтаксическими особенностями предложений, сопряженных в единый смысловой комплекс [3, с.192].

В предложении, как части целого текста. Происходит семантическая «догрузка» присловных форм: субъектная семантика в них наслаивается на основное объектное значение, субъектная доминанта текста выводит их в смысловую и линейную препозицию. Эта понятийная операция, базирующаяся на отражательной деятельности человеческого сознания, обусловлена своеобразием фиксируемой ситуации, ее чертами, акцентируемыми говорящим, и экстралингвистической отнесенностью личных местоимений (наиболее частотных в данной позиции) [3, с. 194-195].

Мы исходим из мысли, что выбор формы субъекта всегда обусловлен характером субъектно-предикатных отношений и лексико-категориальными особенностями предиката. Так, тип значения предиката и форма его выражения при возникновении диффузного субъектного значения в присловном падеже довольно своеобразны и могут быть последовательно охарактеризованы [3, с. 195].

Неназывание, «устранение» [2, с. 34] агенса действия в неопределенно-личных конструкциях лишает предикат способности изменяться по лицу, числу и роду. Данные предложения допускают представление о человеке (людях) как источнике указанных действий, хотя описываемая ситуация не уточняет контекстуально субъект. Единственным признаком субъекта-агенса может считаться принадлежность к классу лиц, устанавливаемая из лексико-категориальных особенностей глагольных предикатов. Формальная достаточность выражения неопределенности в закрепленных языковой практикой разноидностях (Зл. мн. ч. и прошедшее множественное число) на деле оказывается частичной и не главной, чтобы предложение осознавалось говорящим и слушающим как информация о признаке, возникшем в результате действий неизвестных или не определяемых по количеству лиц

Левая интенция предиката в неопределенно-личных конструкциях остается нереализованной из-за избыточности этой реализации. Предикативный признак теряет соотнесенность с лицом, носителем признака, репрезентация семантического содержания конструкции не предполагает указания на субъект, как правило, агенс, потому что предикативный признак неопределенно-личного предложения соотносится всегда с одушевленными предметами. «Оттенок неопределенности» не снимается и в двукомпонентных неопределенно-личных предложениях с локальным, локально-субъектным или временным распространителем, семантическая весомость которого при неопределенно очерченном круге действующих лиц (категориально-синтаксическое "они")

существенно изменяется. Они (распространители), способствуя реализации неопределенно-личной семантики предложения в целом, «прибавляют» дополнительные смыслы, а также «являются необходимым структурным элементом, от которого зависит способность конструкции самостоятельно функционировать в качестве коммуникативно законченного высказывания» [3, с. 195-196].

Семантика предикатного компонента в конструкциях с косвенным субъектом. Языком выработана система средств, передающих состояние лица (статическая ситуация), здесь могут быть отмечены глагольные, субстантивные, адъективные, причастные, предложно-падежные, «метафорические» модели, однако только в наречно-предикатной модели (Мне грустно) имеет место идеальное наложение ситуации внешнего покоя и эмоционально-психической или психо-физической охарактеризованности лица. Именно в конструкциях состояния имеет максимальную выраженность смысловая оппозиция S_{din} / S_{stat} , где последняя разновидность всегда семантически маркирована модальной связью с внутренним миром (субъективно-оценочные смыслы) при денотативной соотнесенности с ситуацией внешнего покоя. Валентностные свойства инфинитива и предикативов диктуют необходимость сопряжения с дательным падежом, а уже «комбинация лексических значений компонентов предложения» выявляет для нас ситуацию временного покоя (в момент констатации!) для выделенного косвенного субъекта: Мне хорошо, Мне идти, Мне не спится.

Смысловое обособление дательного адресатного и появление в нем нового структурно-семантического статуса на сегодня определяет двуплановость нашего видения мира, сводя динамические (номинативные) и статические (дативные) структуры в коррелятивную пару. В дативных предложениях говорящий сочетает субстанциальный смысл (в широком понимании) с признаковой характеристикой («фрагмент всеобщей связи»), т.е. воспроизводит основную коммуникативную операцию, имеющую целью сообщить что-то о чем-то.

Дательный субъекта всегда ретроспективен семантически, он нуждается для своего информативного наполнения в опоре на предтекст или фоновые знания, т.к. субъектная доминанта текста в своем развитии может получать то акциональную, то статальную характеристики.

Как правило, дательный субъекта соотнесен с основным субъектом текста:

- а) с лицом говорящим;
- б) с собеседником (иногда обобщенным);
- в) с предметом речи.

Каждая из названных выше сущностей семантической структуры предложения, организующих субъектную перспективу текста с точки зрения говорящего, может быть представлена и в форме множественного числа, что уже само по себе задает сему «неопределенность» (принадлежность к классу лиц, даже если в этот класс входит говорящий, может характеризоваться только как «открытое, незавершенное, количественное неопределенное множество»).

Формальная надличность инфинитива и предикативов способствует развитию в анализируемых конструкциях семантики обобщенного (генерализо-

ванного) субъекта. С точки зрения автора, «для указания некоторой конкретной позиции» провозглашаются истины, представляющиеся пишущему бесспорными:

- а) религиозные или поучающие;
- б) социально проверенные нормы общественной жизни;
- в) бытовые истины, извлеченные из опыта жизни.

Объединение формальных разновидностей генерализованных конструкций с имплицированным дательным субъекта дают некоторые поучения опытных церковников.

Анализируемые разновидности простого предложения коррелятивно соотносены (тождество одних свойств и противопоставленность других) с номинативной разновидностью и по форме, и по содержанию и являются в текстах исследуемого периода высокочастотным, стилистически маркированным средством номинации состояния человека и потенциального, предписываемого действия. Особенно частотны в деловых и летописных текстах конструкции с так называемым независимым инфинитивом, выражающим отношения «потенциального действия» к носителю, с модальными значениями возможности, необходимости, долженствования, обусловленного договоренностью или распоряжением свыше, неизбежности, предопределенности, невозможности, желательности и т.д., возникающими у инфинитива только в сочетании с дативом. Впрочем, исследователями отмечен факт значительного сокращения употребительности дативных предложений долженствования начиная с XVIII в. [1].

Список литературы:

1. Алешина Л.Н. Семантика и формы личного прямого субъекта в древнерусском языке XII-XIV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2003. 209 с.
2. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: МГУ, 1971. 293 с.
3. Ефанова Л.П. Семантика и формы личного субъекта в русском языке XVII в. Ставрополь, 1994. 250 с.
4. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М.: МГУ Филология, 1995. 400 с.
5. Смирников А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. 284 с.

© 2015, Алешина Л.Н.

Субъектная семантика присловных надежд в древнерусском языке XII-XIV вв.

© 2015, Aleshina L.N.

Subjective semantics prislonyh cases in the ancient Russian language of the XII-XIV centuries